

ВИКТОР МУРАВЬЁВ

ДОМОВАЯ КНИГА ДЛЯ МЁРТВЫХ

Виктор Муравьёв

Домовая книга для мёртвых

«Автор»

2026

Муравьёв В.

Домовая книга для мёртвых / В. Муравьёв — «Автор», 2026

Редактор Максим Звонарёв привык сокращать чужие жизни до девяти сот знаков. После смерти бабушки он возвращается в северный посёлок Белые Мхи и находит старую домовую книгу, где забытые жители записаны точнее, чем в официальных архивах. Пока власти готовят «Парк памяти» с переносом части старого кладбища, новый цифровой реестр превращает сорок семь могил в объекты без имени. В посёлке начинают путаться адреса, документы и воспоминания, а появившегося среди живых незнакомца каждый узнаёт по-своему. Чтобы вернуть умершим их истории и не потерять собственное имя, Максиму придётся выяснить, что случилось с его отцом на старой переправе, и решить, может ли кто-нибудь хранить память за всех.

© Муравьёв В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девятьсот знаков	5
Глава 2. Лишняя ложка	8
Глава 3. Наследство с жильцом	11
Глава 4. Парк памяти	14
Глава 5. Ошибка пользователя	17
Глава 6. Человек, которого все знают	20
Глава 7. Оставшиеся без голоса	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Домовая книга для мёртвых

«Пока имя записано, у человека есть место. Вычеркнешь имя — место пустым не останется».

Из домовой книги Варвары Никифоровны

Глава 1. Девятьсот знаков

Редакция отводила человеческой жизни девятьсот знаков, включая пробелы.

Если покойный был заслуженным, ему полагалась фотография пять на восемь, чёрная рамка и ещё двести знаков за отдельную плату. Если безутешные родственники приносили текст длиннее, Максим вычёркивал детство, увлечения и половину прилагательных. Обычно жизнь выдерживала сокращение хорошо. Хуже всего сокращались должности.

В тот четверг ему достался бывший заместитель директора Каморского завода огнеупорных изделий. Родственники сообщали, что Евгений Борисович был «человеком редкой душевной щедрости, беззаветно преданным семье, предприятию, рыбалке и делу промышленного развития региона». Рыбалка не помещалась. Максим убрал её первой.

— Не трогай «невосполнимую утрату», — сказала из-за перегородки Ольга. — Они за неё доплатили.

— Утрата останется. Не восполнится только рыбалка.

— Семья просила согласовать до шести.

На часах было без десяти. Максим заменил «навсегда останется в наших сердцах» на более экономное «останется в памяти», проверил количество знаков и отправил макет. В памяти сэкономилось двадцать два символа. За годы работы он научился не испытывать по этому поводу ничего, кроме профессионального удовлетворения.

Телефон завибрировал на столе. Номер был из Белых Мхов, но не бабушкин.

Максим подождал до третьего звонка. На четвёртом телефон мог обидеться и перейти к Ольге, а она отвечала на любые вызовы так, будто редакция располагала запасной жизнью для каждого заявителя.

— Звонарёв слушает.

— Варвара Никифоровна умерла, — сказала Вера Клюкина.

Максим посмотрел на экран с чужим некрологом. Курсор мигал после слова «памяти».

— Когда?

— Сегодня утром. Тихо. Я заходила давление проверить, а проверять уже было нечего. Завтра в одиннадцать прощание, в двенадцать кладбище. Вечерний автобус из Каморска в девятнадцать десять.

Вера Павловна говорила тем же голосом, каким когда-то велела ему полоскать горло и не врать про температуру. За двадцать лет её интонация не изменилась. Только теперь она распоряжалась не болезнью, а тем, что следовало после неё.

— Почему завтра?

— Потому что послезавтра Геннадий везёт Климова в Верхнюю Невку. У него один хороший катафалк, Максим. Смерть в районе общая, расписание у каждого своё.

Он хотел спросить, почему бабушка не позвонила накануне. Вопрос был глупый и потому застрял дольше разумного.

— Я приеду.

— Ключ над дверью. В доме холодно, печь растопишь. И костюм возьми нормальный. Твой отец на похороны в свитере ходил, и что хорошего.

Связь оборвалась раньше, чем Максим успел спросить, какое отношение имел отец к костюму. Вера Павловна умела заканчивать разговоры так, будто закрывала крышку медицинского ящика.

Ольга выглянула из-за перегородки.

— Кто?

— Бабушка.

— Ох. Соболезную.

Она сказала это без редакционного нажима, и Максим на секунду растерялся. Слова, которые он ежедневно переставлял в чужих текстах, в живом разговоре оказались тяжёлыми и неудобными.

— Спасибо. Я завтра не выйду.

— Конечно. Некрологи я возьму.

— У Самсоновых обязательно оставить «светлая память». Они уже два раза звонили.

Ольга кивнула, и рабочий день продолжился ещё на девять минут.

До Белых Мхов прямой автобус шёл четыре часа с одной остановкой у кафе «Причал», расположенного в сорока километрах от ближайшей судоходной воды. Максим купил билет, положил в рюкзак чёрную рубашку, зарядку и ноутбук. Костюма у него не было. Бабушка знала об этом, Вера тоже, но смерть, по местным представлениям, должна была улучшать гардероб оставшихся.

В автобусе пахло влажной тканью и мандаринами. За Каморском исчезли рекламные щиты, затем многоквартирные дома, затем связь. Дорога сузилась до двух полос и стала осторожно обходить лес, будто была здесь не хозяйкой, а просительницей.

Максим не приезжал в Белые Мхи шесть лет. Бабушка дважды гостила у него сама, после чего объявила городскую квартиру «шкафом с канализацией» и больше не соглашалась. Они созванивались по воскресеньям. После исчезновения Ильи в доме остались Варвара, Максим и его мать Марина. Марина ещё несколько лет работала на фабрике, потом уехала вслед за сыном в Каморск. Она умерла восемь лет назад после болезни, так и не узнав об Илье ничего, кроме семейной версии о побеге. С тех пор бабушка была единственным человеком, который помнил жизнь Максима до того, как в ней появилось неизвестное направление.

Последний разговор состоялся три недели назад. Варвара Никифоровна пожаловалась на цену гречки, на Буханова, который собрался «облагородить покойников», и на то, что Максим говорит с ней как диспетчер.

— Я слушаю, — ответил он тогда.

— Вот именно. Людей слушают, когда они ещё что-то могут сказать.

Он обещал приехать в августе. Был конец октября.

У кафе «Причал» водитель объявил пятнадцать минут и ушёл есть суп. Пассажиры потянулись за ним. Максим остался в салоне и открыл на телефоне бабушкин контакт. Под именем «Варя» хранилось последнее сообщение: фотография треснувшей ступеньки и подпись «До зимы сделай, не позорься».

Он увеличил снимок. На верхнем краю кадра виднелся край кухонного стола и две тарелки. Бабушка почти всегда ела одна.

Максим закрыл фотографию. Он не любил, когда случайная деталь предлагала чувство, для которого не было времени.

К половине двенадцатого автобус въехал в Белые Мхи. На стеле у дороги всё ещё значилось: «Население 3598 человек». Последнюю восьмёрку замазали серой краской, но сквозь неё проступали обе окружности. Кто-то рядом приписал мелом: «уточняется».

Посёлок выглядел меньше, чем в памяти, и длиннее, чем следовало. Те же пятиэтажки тянулись вдоль закрытой фабрики, те же частные дома спускались к Неми, только между ними

прибавилось пустоты. У бывшего книжного теперь продавали ритуальные товары. Вывеска обещала «достойные провода по доступной цене» и мигала через одну букву.

На автостанции Максима никто не встретил. Вера Павловна прислала сообщение: «На кухне еда. Не трогай синюю кастрюлю — на завтра».

Дом на Заводской стоял в конце улицы, отступив от дороги на два старых яблоневых дерева. В темноте он казался не заброшенным, а отвернувшимся. Максим нащупал над дверным косяком ключ, открыл сначала нижний замок, затем верхний и только потом вспомнил, что дверь всегда нужно приподнимать коленом.

В сенях пахло сухими травами, остывшей золой и бабушкиным хозяйственным мылом. Он включил свет. Лампочка загорелась не сразу, словно дому требовалось время узнать посетителя.

На кухонном столе стояли две тарелки, две чашки и хлеб под полотенцем. Между чашками лежала сложенная пополам записка. Максим развернул её.

«Суп в белой кастрюле. Варить не надо. Вера».

Он посмотрел на плиту. Белая кастрюля была одна. Синяя — одна. Никаких гостей Вера не обещала.

Максим снял куртку, поставил рюкзак у печи и убрал вторую тарелку в шкаф. Потом подумал, что ведёт себя нелепо, и вернул её на стол. Для одной ночи спор с сервировкой был слишком серьёзным обязательством.

Чашки он оставил обе.

Глава 2. Лишняя ложка

Геннадий Гвоздев приехал в десять сорок и первым делом извинился за пунктуальность. — Я понимаю, момент семейный, — сказал он, снимая у двери меховую шапку. — Но если начать вовремя, люди думают, что мы их торопим. Если опоздать — что не уважаем. Поэтому десять сорок: уже неудобно, ещё не оскорбительно.

Он был широкоплеч, гладко выбрит и одет в тёмное пальто, на котором не задерживалась ни одна снежинка. В руках Геннадий держал папку, рулон чёрной ленты и степлер. Всё необходимое для встречи с вечностью помещалось у него в канцелярский набор.

Вера Павловна расставляла на кухне тарелки и командовала соседками. За ночь дом наполнился людьми, которые знали, куда поставить обувь, где лежит запасной сахар и почему нельзя открывать форточку в горнице. Максим чувствовал себя единственным приглашённым.

— Рубашку заправь, — сказала Вера, проходя мимо.

— Доброе утро.

— Уже нет.

Она остановилась, поправила на нём воротник и на мгновение прижала пальцы к ткани у плеча. Получилось почти объятие, только с практической целью.

Прощание устроили в большой комнате. Максим старался смотреть на знакомые вещи: фарфорового оленя на комод, часы с тяжёлым маятником, узор на выцветших обоях. На бабушку он смотрел коротко. Лицо было её и уже не её — спокойное, лишённое привычного намерения сейчас же что-нибудь исправить.

Люди входили небольшими группами. Фабричные пенсионеры, соседи, две женщины из поликлиники, Буханов с помощницей, отец Кирилл. Каждый говорил Максиму несколько слов, и почти все начинали с того, что Варвара Никифоровна была человеком.

«Редкой душевной щедрости», автоматически продолжал он про себя.

Бабушка дала бы редкой душевной щедрости две недели на исправление недостатков.

У самой двери стоял незнакомый мужчина. Серое пальто было ему велико, рукава закрывали кисти. Лицо Максим видел плохо: мужчина всё время оказывался за чьим-нибудь плечом. Он не подходил к гробу, не крестился и не разговаривал. Однако ему уступали дорогу с той домашней небрежностью, с какой обходят старого родственника.

— Это кто? — тихо спросил Максим у Веры.

Она проследила взглядом.

— Семён, должно быть. Со стороны Лапиных.

Через десять минут соседка Тамара Арсеньевна назвала незнакомца Федей и попросила передать ему пирожки. Отец Кирилл, выходя из комнаты, пожал ему руку:

— Рад, что добрались, Алексей Петрович.

Мужчина отвечал одним и тем же коротким кивком.

Максим решил, что в Белых Мхах сохранилась разновидность родства, при которой имя зависело от собеседника.

На кладбище ветер дул с реки и перебирал ленты на венках. Старая часть начиналась за ржавыми воротами, но Варвару хоронили ближе к новой ограде, на семейном участке рядом с её сестрой и родителями. Геннадий заранее приготовил табличку: белые буквы на чёрном металле.

ВАРВАРА НИКИФОРОВНА ЗВОНАРЁВА

1938–2026

Под первой буквой фамилии проступала неровность. Максим провёл ногтем по свежей краске. Под «З» обнаружился край другой буквы — то ли «Л», то ли «П».

— Табличка использованная? — спросил он.

Геннадий оскорбился профессионально.

— Повторного использования у нас нет. Это не посуда.

— Там другое имя было.

Геннадий посмотрел, потёр краску большим пальцем.

— Грунт неровный. Металл сейчас такой. Отечественный, но словно мстит.

Он быстро перевязал табличку лентой, закрыв место узлом.

Во время короткой службы Максим снова увидел мужчину в сером. Тот стоял по другую сторону участка, среди сосен. Теперь пальто сидело по фигуре, а сам он казался выше. Максим моргнул от летевшего в глаза снега. Между стволами уже никого не было.

На обратном пути Вера Павловна усадила его в машину к Буханову.

— Вам всё равно по дороге, — сказала она таким тоном, что глава посёлка сразу признал маршрут общим.

Иннокентий Петрович вёл осторожно, обеими руками держась за руль. В салоне пахло новым пластиком и хвойным ароматизатором.

— Варвара Никифоровна была человек принципиальный, — сказал он. — Иногда даже после того, как необходимость в принципе отпадала.

— Это точно.

— Мы с ней в последнее время расходились по вопросу развития территории. Но уважение сохранялось.

Максим услышал готовую формулировку и почти успокоился.

— Какой территории?

— Потом. Не сегодня. Сегодня у нас человеческое.

Буханов помолчал ровно столько, сколько отводил человеческому.

— Вы дом продавать планируете?

Поминки начались без заметной команды. Люди расселись в большой комнате и на кухне, передавали блюда, вспоминали Варвару. В историях бабушка лечила, ругала, доставала редкое лекарство, писала жалобы на автобусное расписание и однажды три месяца не разговаривала с председателем поссовета, потому что тот назвал её огород земельным участком.

Незнакомец сидел у двери. Перед ним стояла тарелка, хотя Максим не видел, кто её принёс. Мужчина не ел. Он водил ложкой по краю, собирая отдельные крупинки соли.

— Это всё-таки кто? — спросил Максим у Тамары Арсеньевны.

— Ты чего, Максимка? Это же Коля Кислый. С пристани.

— Он похож на Семёна Лапина?

— На Семёна? — Тамара рассмеялась. — Семён покрупнее был.

Слово «был» она произнесла без паузы. Максим хотел уточнить, но Вера уже требовала, чтобы он налил чай Буханову.

Когда люди разошлись, было темно. Вера собрала еду в кастрюли, распорядилась утром отнести остатки Геннадию и ушла последней.

— Дверь на крючок, — сказала она. — Ночью может разболтать ветром.

— Кто был мужчина в сером пальто?

— Какой мужчина?

— У двери. Ты сказала, Семён.

Вера посмотрела на пустой стул, затем на Максима.

— Я сегодня много чего сказала. Завтра спросишь.

Она ушла, не забыв забрать синюю кастрюлю.

Максим запер дверь и стал убирать со стола. Тарелка незнакомца была чистой. Ложка лежала рядом, на клеёнке. Он взял её — металл оказался тёплым, будто ложку только что держали в руке.

В доме было пятнадцать градусов.

Максим отнёс ложку к раковине и включил воду. На внутренней стороне ручки обнаружилась выгравированная буква «И». В бабушкином наборе все приборы были одинаковыми, без букв.

Он вымыл ложку, вытер и положил в дальний ящик.

Утром она лежала на столе возле второй чашки.

Глава 3. Наследство с жильцом

Нотариус приезжал в Белые Мхи по вторникам и субботам, принимал в кабинете отдела культуры и возил с собой печать в коробке из-под печенья. В субботу Максим пришёл первым, но перед дверью уже сидели шесть человек. Пятеро оформляли наследство, шестая женщина хотела заверить, что соседская коза не имеет права прохода через её участок.

— Я ей объясняю: коза — движимое имущество, — сообщила женщина очереди. — А она стоит.

К половине двенадцатого Максим вошёл в кабинет. Нотариус Лариса Юрьевна разложила документы, сняла очки и выразила соболезнование с такой точностью, что было ясно: фраза включена в порядок действий.

— Завещание у Варвары Никифоровны есть. Дом, земля, вклад. Вы единственный наследник. Вступление через шесть месяцев, если не появятся иные лица.

— Какие лица?

— Которых сейчас нет. Если появятся, станут иными.

Она передала ему копию. После перечня имущества бабушка отдельной строкой просила не продавать дом сорок дней со дня похорон и «не отдавать книгу никому, особенно Вере, хоть она и будет говорить, что знает лучше».

— Это условие обязательно?

— Юридически — нет. Нравственно решайте сами. Нотариат нравственное не удостоверяет.

— О какой книге речь?

Лариса Юрьевна снова надела очки.

— Если предмет не описан, он входит в состав домашнего имущества. Если книга представляет культурную ценность, потребуется оценка. Если библиотечная — возврат.

Максим поблагодарил и освободил кабинет женщине с козой.

На улице его ждал Геннадий. Он стоял рядом с катафалком и перекачивал из угла рта в угол деревянную зубочистку. Заметив Максима, выбросил её в урну.

— Ты остатки не принёс.

— Какие?

— Вера сказала, у тебя мясные пироги остались. Покойница заказывала с запасом, значит, распорядилась бы разумно.

— Я не знал, что это входит в услуги.

— Не входит. Поэтому и спрашиваю как человек.

Они пошли к дому вместе. По дороге Геннадий рассказал, что Варвара заказала похороны ещё в июле: выбрала венки без золотой надписи, запретила искусственную музыку и потребовала не давать Буханову выступать дольше трёх минут.

— Про табличку она что-нибудь говорила?

— Имя, даты, без эпитафии. Я предложил «Помним, любим, скорбим», она сказала, что это три глагола без доказательств.

— Разумно.

— Тоже редактором была?

— Нет. Просто бабушкой.

Геннадий забрал пироги, пересчитал контейнеры и уже у калитки обернулся:

— Мужика твоего на поминках я не знаю.

— Какого моего?

— Который у двери сидел. Я гостей по количеству считаю. Пришло сорок два, ели сорок три.

— Может, кто-то дважды?

— На поминках дважды едят, но не приходят.

Он сел в машину и уехал, оставив после себя ровную полосу выхлопа.

Максим растопил печь и занялся домом. Работа успокаивала тем, что у каждого предмета была простая судьба: оставить, выбросить, сфотографировать для продажи. В горнице он собрал лекарства, в чулане обнаружил восемнадцать банок варенья без подписей, на чердаке — лыжу без пары и чемодан старых квитанций.

Книгу он искал без особого усердия. Бабушка могла назвать книгой альбом с рецептами, журнал учёта электроэнергии или толстую тетрадь, куда записывала, кому дала рассадку.

В нижнем ящике кухонного шкафа лежала домовая книга. Обычная, советского образца: серо-зелёная обложка, страницы с графами о регистрации жильцов. На первой были вписаны Никифор Матвеевич, Анисья Фроловна, затем Варвара, её муж Николай Иванович, Илья Звонарёв и сам Максим. Напротив Ильи отсутствовала отметка о выбытии. Напротив Максима стояла дата его отъезда в Каморск.

На следующей строке бабушкиным почерком значилось:

«Мокей. Год рождения неизвестен. Зарегистрирован до постройки дома».

В графе «отношение к владельцу» было написано: «терпит».

Максим усмехнулся. Мокей в его детстве отвечал за треск половиц, пропажу ключей и ночное падение плохо поставленной посуды. Бабушка никогда не называла его домовым. Она говорила «жилец», как будто суеверие становилось приличнее после регистрации.

Перед первой осенней растопкой Варвара ставила на шесток пустое блюдо и ложку. Еды не оставляла — утверждала, что жильцу нужна не каша, а понимание, кто в доме хозяин.

— И кто? — спросил однажды девятилетний Максим.

— Дом, — ответила бабушка. — Мы пока зарегистрированы.

Тогда он решил, что это шутка о прописке. Варвара не поправила.

Он сфотографировал страницу, чтобы отправить Ольге, но телефон отказался фокусироваться. На снимке расплывалась именно строка с Мокеем; остальной текст читался отчётливо.

— Очень смешно, — сказал Максим шкафу.

Внутри что-то тихо стукнуло.

Он открыл дверцу. На верхней полке стояла лишняя ложка с буквой «И».

Максим переложил её к остальным и продолжил разбор. К вечеру на столе образовались три стопки документов. В одной были счета, во второй — письма, в третьей — бумаги, значение которых предстояло выяснить у людей старше семидесяти.

Почтальонка бросила корреспонденцию в ящик у калитки и ушла, не заходя. Среди рекламных листов и районной газеты лежала свежая квитанция за электричество. Адрес: Заводская, 11. Начисление: восемьдесят семь рублей сорок копеек.

Получатель: Звонарёв Илья Матвеевич.

Максим перечитал фамилию. Отчество было неверным. Его отец — Илья Николаевич — исчез в 1999 году и, по словам бабушки, уехал на юг с женщиной из Верхней Невки. Через пять лет Марина добилась признания его безвестно отсутствующим. Умершим объявлять отказалась: говорила, это будет ложью другого вида. Через десять лет Максим перестал спрашивать, а мать продолжала хранить решение суда в ящике с семейными фотографиями.

Он позвонил по номеру расчётного центра. Автоответчик попросил назвать лицевой счёт. Максим назвал.

— По данному адресу зарегистрирован один проживающий, — сообщила система приятным женским голосом. — Звонарёв Илья Матвеевич. Статус: льготная категория «ветеран труда».

— Он не проживает.

— Я не распознала ответ. Повторите: передать показания — один, узнать задолженность — два, сообщить о смерти собственника — три.

Максим нажал отбой.

В доме погас свет.

Через секунду включился снова. Электронные часы на плите сбросились на ноль, хотя печь не была подключена к сети много лет.

На экране мигало: 19:99.

Глава 4. Парк памяти

Администрация Белых Мхов помещалась в здании бывшего детского сада. На первом этаже сохранились низкие подоконники, в актовом зале — нарисованные под потолком воздушные шары. Под одним из них висел портрет губернатора. Губернатор смотрел так, будто лично отвечал за то, чтобы шар не улетел.

Иннокентий Петрович Буханов назначил Максиму встречу на девять и опоздал на четыре минуты. Секретарь успела предложить чай, соболезнование и бланк согласия на обработку персональных данных.

— Максим Ильич, спасибо, что нашли время в такой период, — сказал Буханов, появляясь в дверях. — Пройдёмте. У нас разговор одновременно личный и стратегический.

В кабинете стояли три флага, макет новой набережной и фотография Буханова с губернатором. На фотографии губернатор выглядел так, будто только что узнал о существовании Белых Мхов и пока не принял решения.

Буханов усадил Максима за длинный стол для совещаний. На нём уже лежала папка с надписью «ПАРК ПАМЯТИ И РЕМЁСЕЛ. ВЕРСИЯ 12. ФИНАЛ».

— Варвара Никифоровна была последней зарегистрированной собственницей по Заводской на участке предполагаемого гостевого маршрута, — начал Буханов. — Дом аутентичный. Печь, планировка, хозяйственные постройки. Мы готовы после оформления наследства обсудить выкуп либо долгосрочную аренду.

— Что вы собираетесь там показывать?

— Жизнь северного посёлка в двадцатом веке. Быт. Традиции. Уклад.

Максим представил, как туристам показывают бабушкину синюю кастрюлю и объясняют, что трогать её нельзя.

— А жильцы?

— Вы там жить планируете?

— Я не о себе.

— Других зарегистрированных нет.

Буханов перевернул страницу слишком быстро. Максим не стал объяснять про Мокея.

Проект выглядел убедительнее, чем ему хотелось. Новая дорога соединяла Белые Мхи с трассой, бывшие фабричные склады превращались в мастерские, музей получал отопление, набережная — освещение. На визуализации по ней гуляли молодые семьи в одежде для гораздо более мягкого климата.

— Деньги федеральные, софинансирование областное, — сказал Буханов. — Если не входим сейчас, через год район объединяют с Верхней Невкой, и все вложения уходят туда. У них население больше на четыреста человек и глава не ждёт, пока каждый сарай даст согласие.

— Бабушка была против?

— Она была за дорогу, за музей, за рабочие места и категорически против их одновременного существования.

Дверь открылась без стука. В кабинет вошла Антонина Воронцова с ноутбуком под мышкой. В школе её звали Тоня Ворона, но произносить старое прозвище в присутствии директора музея Максим не рискнул.

— Макс, — сказала она. — Ты всё-таки настоящий.

— Пока да.

— Хорошо. Нам в последнее время везёт меньше.

Она пожала ему руку, поставила ноутбук на стол и сразу открыла презентацию. Антонина почти не изменилась в лице, только волосы стали короче, а взгляд — быстрее. В одиннадца-

том классе она могла молчанием исправить чужой ответ у доски. Теперь таким же способом исправила положение ноутбука Буханова.

— Я отвечаю за историческую часть, — сказала она. — Если согласишься на дом, в нём не будет матрёшек, пеньки и стенда «Так жили наши предки». Обещаю только то, что могу запретить лично.

— А что будет?

— Живой архив. Записанные истории, документы, вещи с происхождением. Не декорация.

— Кладбище тоже живое?

Антонина посмотрела на Буханова.

Тот сложил ладони.

— Вот здесь требуется спокойный разговор. Проект дороги затрагивает край старой санитарной зоны. Большинство захоронений сохраняется. Часть переносится по всем нормам.

— Какая часть?

Антонина развернула к нему экран. На плане Курганной гривы красным цветом были отмечены сорок семь точек.

— Неидентифицированные, — сказала она. — Таблички утрачены, архивных привязок нет. Мы обследовали участок летом.

— Там люди лежат?

— Где-то да. Где-то только памятные знаки. Старые переносы делали без актов.

— То есть вы не знаете.

— Именно поэтому мы не называем их могилами в документах, — вмешался Буханов. — Термин имеет юридическое значение.

Максим откинулся на спинку стула. Сорок семь красных точек выглядели как сыпь на теле карты.

— Бабушка из-за них спорила?

— Она утверждала, что знает имена, — сказала Антонина. — Но список не дала. Сказала, мы сначала должны научиться спрашивать.

— У кого?

— У неё я тоже спросила. Она выставила меня за калитку.

Буханов кашлянул.

— Максим Ильич, никто не намерен оскорблять память. Наоборот, проект её институционализирует.

— Покойникам от этого спокойнее?

— Живым будет лучше.

Впервые за разговор Буханов произнёс что-то без презентационной интонации. Максим посмотрел на него внимательнее. Под глазами у главы залегли тёмные тени; на столе рядом с папкой лежал список закрывающихся муниципальных ставок.

Антонина открыла фотографии участка. Снег, сосны, покосившиеся таблички. Снимки были сделаны в феврале: на каждом стояла дата и номер точки.

— Пришли мне список, — сказал Максим.

— Зачем?

— Возможно, он есть в доме.

Буханов сразу улыбнулся.

— Вот это конструктивный подход.

Максим листал фотографии дальше. На снимке под номером тридцать один между соснами стоял человек в сером пальто. Лицо было повёрнуто к объективу. Здесь мужчина казался пожилым, с густыми белыми бровями и узким подбородком.

— Кто это?

Антонина наклонилась к экрану.

— Где?

Максим указал пальцем.

— В пальто.

— Это сосна.

— Перед сосной.

Буханов встал со своего места и посмотрел через плечо. Его рука легла на край стола слишком резко.

— Снимал кто? — спросил он.

— Я, — сказала Антонина. — На участке никого не было.

Буханов выпрямился.

— Артефакт съёмки. В лесу свет сложный.

Максим увеличил изображение. Человек распался на серые квадраты, но рука осталась различимой. На безымянном пальце темнело широкое кольцо.

Такое же кольцо носил его отец на единственной фотографии, которую бабушка не выбросила.

Глава 5. Ошибка пользователя

Константин Басов работал в музейном хранилище, потому что там имелась единственная в посёлке розетка с заземлением. Между стеллажами с ткацкими станками стоял новый серверный шкаф. Зелёные лампочки мигали рядом с табличкой «Не трогать руками. Экспонаты».

— Это временно, — сказала Антонина, отпирая дверь. — Как отопление, протечка и моя должность.

Басов сидел за двумя мониторами в пуховой жилетке и печатал с той скоростью, с какой люди обычно удаляют следы. Ему был тридцать один год, но он носил бороду человека, уже разочарованного в трёх поколениях пользователей.

— По кладбищу вы? — спросил он, не оборачиваясь. — Если про мужика на фотке, это компрессия. Нейросеть достроила контур.

— Какая нейросеть? — спросила Антонина.

Басов перестал печатать.

— Никакая. В смысле, алгоритм повышения резкости. Фигура была в исходнике как набор теней.

— Исходник покажите, — сказал Максим.

— Его нет. Было автоматическое освобождение пространства.

— Удаление?

— «Удаление» звучит так, будто я что-то потерял. Резервная копия есть в облаке.

— Где облако?

— Сейчас временно недоступно.

Антонина поставила перед ним бумажный список сорока семи точек.

— Нам нужны все записи до миграции.

— Они и после миграции все есть. Просто нормализованные.

Максим посмотрел на экран. Таблица содержала строки с номерами, координатами и статусами. В колонке «ФИО» у сорока семи строк стояло: NULL.

— Это и есть нормальное состояние? — спросил он.

— Для неизвестного значения — да. Раньше там кто что хотел писал: вопросительные знаки, «нечитаемо», «баба в платке», один раз «вроде Семёныч». Машина такое не понимает.

— Люди понимали?

— Люди и создали эту таблицу.

Дверь хранилища открылась. Геннадий вошёл, не сняв шапки, и положил на клавиатуру официальный конверт.

— Восстань, — сказал он Басову.

— Что?

— Из уважения к покойному.

Басов открыл письмо. Региональный центр социальных выплат уведомлял Геннадия Савельевича Гвоздева о прекращении начислений в связи с государственной регистрацией смерти.

— Это не я, — сказал Басов.

— Я тоже пока придерживаюсь этой позиции.

— Наша база ничего не регистрирует. Она только агрегирует.

— Хорошо агрегирует. Вчера карта не сработала, сегодня пенсию сняли, утром жена спросила, в какой рубашке меня показывать родственникам.

Антонина прочитала письмо.

— Здесь дата смерти — прошлый вторник.

— Удобный день, — сказал Геннадий. — Заказов не было.

Басов открыл карточку. На экране появилось имя Геннадия, дата рождения, адрес и зелёная плашка «Сведения подтверждены». Ниже стояла дата смерти и ссылка на запись о захоронении.

— Совпадение идентификаторов, — пробормотал он. — Старый Гвоздев Савелий Геннадьевич, новый Гвоздев Геннадий Савельевич. Отчества зеркальные. При импорте поле разобралось неправильно.

— Вы меня с отцом похоронили? — спросил Геннадий.

— Технически — себя с отцом. Я сейчас отменю.

— В базе, которая ничего не регистрирует?

— Отправлю исправление через межведомственное окно. Я не хозяин записи, но кнопки мне выдали.

— Отменяйте осторожно. Отец к порядку привык.

Басов нажал несколько клавиш. Плашка стала жёлтой: «Статус оспаривается».

— Нужны два свидетеля и подтверждение родства либо совместного проживания. Максим Ильич подпишет, Антонина Сергеевна подтвердит.

— Я с Геннадием не живу, — сказал Максим.

— Система не требует качества совместного проживания.

— А если просто подтвердить, что он сейчас стоит перед нами?

Басов терпеливо вздохнул.

— Для системы стоящий перед нами человек — пользователь без верификации. Документ надёжнее.

Максим подписал электронную форму на планшете. Басов ввёл его данные, нахмурился и повторил.

— Вас нет в семейной связи с Варварой Никифоровной.

— Я её внук.

— В паспорте внуков не пишут. Нужна цепочка: Варвара — Илья — вы. А Ильи нет.

— Он безвестно отсутствующий.

— В нашей базе его вообще нет. Ни живого, ни умершего.

Максим достал квитанцию.

— Зато он получает электричество.

Басов прочёл имя и номер лицевого счёта. Ввёл его в поиск. На втором экране возникла карточка: «Звонарёв Илья Матвеевич, ветеран труда, проживает: Заводская, 11». Фотографии не было. Возраст — семьдесят девять лет.

— Это другой человек, — сказал Максим. — Отчество и возраст не те.

— Но адрес ваш?

— Бабушкин.

— Сейчас по реестру его.

Геннадий наклонился к экрану.

— Слушай, Максим, а ты уверен, что дом тебе оставили? Может, ты там у Ильи Матвеевича без договора живёшь.

Басов открыл историю изменений. Большинство строк имело подпись MIGRATION_ADMIN. Последняя была внесена три дня назад пользователем VNZVONAREVA.

— Варвара Никифоровна, — прочла Антонина. — Через день после смерти.

— Пароль мог сохраниться у кого-то, — сказал Басов.

— У кого?

— Если бы я знал, это был бы не несанкционированный доступ.

Максим вспомнил две чашки и тёплую ложку. Объяснения ещё существовали, но теперь стояли в очереди и мешали друг другу.

Басов распечатал форму для Геннадия. На месте подписи заявителя значилось: «умерший гражданин».

— Исправьте, — сказал Геннадий.

— После подтверждения статуса.

— Подтверждения, что я не умер?

— Именно.

Геннадий сложил лист вчетверо и убрал во внутренний карман.

— Если до пятницы не воскресну, закажу у себя самый дешёвый пакет. Пусть система знает, что потеряла клиента.

Когда он ушёл, на экране его карточки появилась новая строка: «Место фактического пребывания — Курганная грива, участок 31».

Это был номер фотографии с мужчиной в сером пальто.

Глава 6. Человек, которого все знают

В магазине «Северок» продавалось всё, что могло срочно понадобиться человеку в радиусе сорока километров: хлеб, батарейки, валенки, корм для кошек, свечи, лопаты и набор праздничных колпаков. Максим пришёл за кофе и пакетом для мусора. На кассе ему предложили венок со скидкой.

— После сезона остался, — объяснила продавщица. — Лента снимается.

— У венков бывает сезон?

— У всего бывает. Люди только думают, что умирают независимо.

Она пробила кофе. За спиной Максима кто-то поставил на ленту буханку, соль и коробок спичек.

Серое пальто он узнал прежде, чем обернулся.

Мужчина стоял близко. Сегодня он был ниже Максима, с редкими светлыми волосами и лицом, которое трудно было удержать взглядом: каждая черта казалась знакомой отдельно, вместе они никому не принадлежали. Рукава пальто заканчивались точно у запястий. На правой руке блестело широкое кольцо.

— Алексей Михайлович, вам хлеб записать? — спросила продавщица.

Мужчина кивнул.

— Он у вас давно покупает? — спросил Максим.

— Кто?

— Алексей Михайлович.

Продавщица посмотрела на мужчину и рассмеялась.

— Какой он Алексей? Это Леонид Семёнович. Ты, видно, с дороги ещё.

Мужчина забрал покупки, не расплатившись. Продавщица записала сумму в потрёпанную тетрадь под буквой «К».

Максим вышел следом.

На крыльце незнакомца остановила Тамара Арсеньевна.

— Коля, ты кран мне посмотришь? Опять воеет.

Он кивнул ей тем же движением.

— Вы его знаете? — спросил Максим.

— С детства. Только он тогда моложе был.

— Как его фамилия?

Тамара задумалась, переводя взгляд с мужчины на пакет с хлебом.

— Фамилия? Зачем тебе фамилия, если кран воеет?

Незнакомец пошёл к реке. Максим последовал за ним, сохраняя расстояние в десять шагов. Это было нелепо, но возвращаться в дом и снова спорить с ложкой казалось ещё нелепее.

Мужчина не оглядывался. Он сворачивал в переулки, здоровался с каждым встречным, и каждый отвечал ему по имени — по другому имени. Водитель снегоуборочной машины крикнул «Федотыч». Женщина у почты назвала его Славой. Двое фабричных пенсионеров молча сняли шапки.

Максим включил камеру на телефоне. На экране мужчина шёл между домами, слегка прихрамывая. Без экрана он не хромал. Максим сделал три снимка.

У старой пристани незнакомец остановился. Река была тёмной, по краям уже схватывалась тонким льдом. На противоположном берегу стоял закрытый павильон переправы, которой не пользовались с конца девяностых.

— Вы были на похоронах Варвары Звонарёвой, — сказал Максим.

Мужчина не обернулся.

— Кто вы?

Ветер шевельнул полы пальто. На спине ткань была мокрой, будто человек недавно вышел из воды, хотя дождя не было.

— Илья? — спросил Максим прежде, чем успел решить, зачем.

Мужчина повернул голову. Теперь у него были тёмные брови с фотографии и чужой беззубый рот.

— Не торопись, Звонок, — сказал он.

Голос звучал негромко и одновременно с разных сторон: из павильона, из-под настила, из старого уличного громкоговорителя.

Звонком отца называла только семья. Бабушка перестала произносить это прозвище после его исчезновения.

Максим шагнул вперёд.

Между ними проехал автобус, пустой и медленный. На секунду серое пальто скрылось за окнами. Когда автобус прошёл, у пристани никого не было. На снегу тянулись следы к самой воде и обрывались у бетонного края.

Максим подошёл, стараясь не наступать на них. Следы были разными: один широкий, другой узкий, третий похож на отпечаток детского валенка. Он насчитал семь пар, наложенных друг на друга.

Позади послышался скрип. Из павильона вышел сторож Палыч с метлой.

— Вы кого ищете?

— Мужчину в сером пальто. Он только что стоял здесь.

Палыч посмотрел на следы.

— Тут полпосёлка стояло. Автобус в девяносто девятом отсюда вытаскивали.

— Я про сейчас.

— Сейчас переправы нет.

Сторож подмёл снег поверх следов, хотя снег не мешал проходу.

Дома Максим открыл галерею телефона. Первые два снимка показывали пустую улицу. На третьем была Тамара Арсеньевна у магазина и край серого рукава в углу.

Под фотографией стояло время: 19:99.

Максим долго смотрел на цифры. Потом открыл сведения о файле. Обычное время — 14:17, сегодняшний день.

Он закрыл снимок и обнаружил, что не помнит, зачем фотографировал улицу. Воспоминание вернулось не сразу, а вместе со словом, произнесённым чужим ртом.

Звонок.

Максим записал его на обороте квитанции, пока не исчезло снова.

Глава 7. Оставшиеся без голоса

Настоящую книгу нашёл шкаф.

Ночью он отступил от стены на четыре пальца. Максим сперва решил, что доски пола повело от тепла, но ножки оставили прямые борозды, словно мебель аккуратно потянули на себя. За шкафом обнаружился узкий простенок, заклеенный теми же обоями. В детстве Максим знал в доме все тайники, потому что сам их устраивал. Этого не было.

Он поддел край обоев ножом. За ними оказалась дверца без ручки. Внутри лежал свёрток, перевязанный бельевой верёвкой, и сухая рябиновая ветка.

Книга была толще найденной накануне домовой и весила почти как кирпич. Коленкоровая обложка выцвела до бурого. На первой странице разными почерками было написано:

«Домовая книга. Белые Мхи и прежние места по реке Неми. Не для числа, а для различия».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.